

ПРЕДСТАВЛЯТЬ читателям Георгия Илларионовича Майбороду, очевидно, нет нужды. Народный артист СССР, лауреат Шевченковской премии, ученик Л. Ревуцкого и Б. Лятошинского, он широко известен произведениями в самых различных музыкальных жанрах. Симфонии, симфонические поэмы, кантаты, хоры, романсы, массовые песни и оперы равно близки его сердцу, равно удаются композитору. Недавно в Киевском академическом театре оперы и балета имени Т. Г. Шевченко состоялось возобновление его оперы «Арсенал». Вот с этого события и начался наш разговор с Георгием Илларионовичем.

— Четвертый раз возвращается ваш «Арсенал» на сцену, на которой был поставлен двадцать лет назад. Премьера состоялась в ноябре 1960 года. Затем возобновление — в 1972 году, в 78-м и вот теперь. Скольке же поколений исполнителей знает она?

— Фактически три. При первой постановке пели в ней такие замечательные артисты, как Николай Ворвулев, Михаил Гришко, Лилия Лобано-

Советской Украиной и предложили попробовать написать оперу. До этого я как-то не думал всерьез об оперном творчестве, но предложение заинтересовало меня и, сказать правду, польстило авторскому самолюбию, и я начал работу. Так родилась «Милана», которой много лет театр открывал каждый новый сезон. «Арсенал» — вторая опера — был государственным заказом. А вот «Тараса Шевченко» я писал по собственному либретто.

Знакомства и встречи

Композитор Георгий МАЙБОРОДА:

«Мелодия — основа музыки»

ва, Елизавета Чавдар Лариса Руденко и совсем молодые Николай Кондратюк и Белла Руденко. Старшие уже, увы, или ушли из жизни, или оставили сцену. Их горячо любили слушатели, а благодаря грамзаписи голоса этих замечательных певцов навсегда остались с нами. Но для меня они особенно дороги. И не просто потому, что были первыми исполнителями в моей опере, а своим художническим и гражданским отношением к музыке, к театру. Ведь новую оперу творит не только композитор, но и певец. Создание произведений, достойных нашего времени, — общее дело композиторов и исполнителей. Так вот может быть «Арсенал» и получился благодаря этой обоюдной заинтересованности.

На смену старшему поколению пришли Дмитрий Гнатюк, певший партию Максима, рабочего-арсенальца, одного из руководителей восстания, и Сергей Козак...

— А теперь партию Максима поет ваш сын Роман Майборода...

— И это, не скрою, мне приятно. Ведь причастность детей к тому делу, которому ты посвящаешь жизнь, отраднее для родительского сердца. Меня радует и победа сына на международном конкурсе, и серьезность, с которой он относится к каждой новой роли.

— Быть может, это еще теснее связывает вас с Киевским оперным театром, в котором поставлены все четыре написанные вами оперы?

— Нет. Прямой связи я здесь не вижу. Творческая моя судьба связана с этим театром вернее всего потому, что здесь я родился как оперный композитор, а опера заняла главное место в моем творчестве. Слушательность и закономерность в нашей жизни всегда тесно переплетены. В свое время, в конце 50-х годов, мне в театре показали либретто Агаты Федоровны Турчинской, рассказывающее о борьбе трудящихся Закарпатья за воссоединение с

стремясь отдать дань уважения и любви великому поэту, бунтарю и пророку. В этом я видел свой долг художника и гражданина. Обращаясь же к драматической поэме Ивана Кочерги «Ярослав Мудрый», я еще не думал о праздновании 1500-летия Киева. Но эта славная страница нашей истории не может не волновать современников.

— Наверное, можно говорить о чутье художника, которое подсказывает ему именно ту тему, которая созрела для того, чтобы стать актуальной. Но мне хочется здесь, Георгий Илларионович, поговорить и о современной опере вообще, о ее, если можно так сказать, «слушательской» судьбе. Наблюдения показывают, что современная опера, будем откровенны, пользуется у слушателей меньшим успехом, чем классическая, они подходят к ней с какой-то осторожностью.

— Ну, наверное, мы, композиторы, дали им для этого основания. Не часто мы балуем их хорошими, по-настоящему мелодичными произведениями, в которых была бы не только значимая тема, но и равные ей художественные достоинства. А ведь это очень важно.

— Опера — искусство настолько условное, что, может быть, не всякая тема ей подвластна?

— Никак с этим не могу согласиться. А впрочем, давайте лучше обратимся к классике. Вспомним хотя бы «Ивана Суланина». Сколько было противников этой оперы среди эстетствующей публики того времени? А нынешние наши зрители — это же вам не аристократы, которые жеманно зажимали нос при одном появлении актера в крестьянской одежде. Они с интересом принимают любые ситуации и характеры на сцене, если это убедительно. Так что не в теме, конечно, дело.

На Западе существуют теории об отмирании оперного жанра, якобы изжившего себя, сыгравшего свою историческую миссию в развитии музыки. В этих теориях нашел отражение общий кризис буржуазного музыкального искусства. Здесь следует обратиться к проблеме новаторства. Кое-кто подразумевает под новаторством только поиски в области фоз-

мы, усложнение выразительных средств, что неизменно ведет к обеднению мелодии. Опера возникла из желания человека петь, лением выразить свои чувства, мысли, характер. И там, где нет пения, нет и оперы. Действительно умирает та опера, в которой нет простора для прекрасных возможностей человеческого голоса. Увлечение преходящими, модными течениями современного модернизма порождает зачастую ту «музыку без музыки», о которой Марк Твен говорил, что ее грустно слушать.

Мне хочется рассказать тут один случай, правда, не имеющий прямого отношения к опере. Лет этак 12 тому назад приехал к нам в Союз композиторов известный американский критик с целью послушать произведения некоторых наших молодых композиторов, увлекавшихся в то время так называемым музыкальным авангардизмом. Мы предоставили ему такую возможность. Он слушал музыку, одобрительно кивая головой, улыбаясь, как человек, который получает удовольствие. А по дороге в аэропорт, когда мы остались в машине вдвоем — он, я и переводчица, — между нами произошел такой приблизительно разговор:

— Мистер Х, неужели вам действительно понравилось то, что Вы слышали?

— А вам?

— По-моему, это все-таки, как говорят у нас в народе, бред сивой кобылы...

Переводчица долго искала подходящую идиому в английском языке, а когда перевела, он громко рассмеялся, а потом уже серьезно:

— Но бизнес есть бизнес!

Да, существует форма духовного бизнеса. Он находит свое выражение и в спекуляции картинами, нарисованными обезьяной Бетси, и в других способах потакания вкусам пресыщенной буржуазной публики. А за этим псевдонаторством очень легко спрятаться бездарности.

Возвращаясь к разговору об опере, хочу еще раз подчеркнуть, что основа музыки — мелодия. Я верю, что она вернет себе ту первостепенную роль, которую играла у классиков.

— Значит, сама современная опера повинна в том, что она не завоевала у слушателей прочных позиций?

— Нет, считать это единственной причиной было бы несправедливо. Не поймите, что я хочу полностью переложить все только на композиторские плечи. Ведь все-таки я тоже здесь лично заинтересованное. Надо учитывать еще и стабильность вкуса, Вы заметили, что массовый зритель в оперу идет в основном на знакомые, популярные произведения? И только любители и знатоки музыки спешат на новинки.

Шостакович как-то сказал: «Чтобы полюбить музыку, надо прежде всего ее слушать». Огромным массам людей сейчас открыты возможности для музыкального образования, для знакомства с серьезной музыкой. К сожалению, мы не всегда используем эти возможности, отдавая приоритет эстраде. Не могут воспитывать хороший вкус бесчисленные ВИА с их бодряческими песенками типа «Ты мне не спишь, я тебе тоже...» У нас прекрасные песенные традиции, богатейшая покоряющая весь мир народная песня. Почему же даже ее кое-кто подгоняет под чужие ритмы? Концертные организации поощряют это, предоставляя без разбора эстрадным ансамблям лучшие залы. А между тем у молодежи просыпается острый интерес к классике как закономерная реакция эстетически здоровых людей на засилье шлягеров. И надо этот интерес удовлетворять.

Проблем музыкальной пропаганды, эстетического воспитания для одной беседы слишком много, чтобы обо всем этом мы могли здесь поговорить. И все-таки я верю в воспитывающую, преобразующую силу настоящей музыки, поднимающей человека, приближающей его к тому идеалу гармонической личности, которая является целью коммунистического строительства.

Беседу вела Л. КЛЕВЦОВА.

НА СНИМКЕ: портрет Г. И. Майбороды работы художника В. Н. Батюшкова.